

Агонія Шанхая

ШАПЕРИ ОБЪЯТЪ ПЛАМЕНЕМЪ

Обитатели Международной концессии наблюдаютъ съ высоты крыши одного изъ домовъ грандіозную картину пожара китайскаго пригорода Шапери.

молніями злополучнаго генерала. Его превосходительство спрятали до поры до времени въ дальнія комнаты. Предупредили, что вызовутъ, когда найдутъ для этого минуту достаточно подготовленную и на первый планъ къ чайному столу выдвинули его молоденькую жену, смолянку, отличенную высочайшимъ вниманіемъ еще въ институтѣ. Царь на балахъ тамъ всегда проходилъ въ мазуркѣ съ нею, послѣ чего тотчасъ же уѣзжалъ и на ея свадьбѣ посаженнымъ отцомъ самъ надѣлъ на нее брилліантовый шифръ и застегнулъ изумрудный браслетъ. Ей посоветовали вдѣть серьги, которыя онъ тогда же привезъ ей, говоря:

— Тебя еще драгъ за уши надо, а ты уже замужъ выходишь. Ну, давай Богъ тебѣ счастья. Я радъ за тебя и за твоего генерала. Чуть что — если онъ тебя обидитъ — пожалуйся мнѣ, я его подъ арестъ посажу! А серьги эти тебѣ императрица шлетъ.

Снизу дали звонокъ. У подъѣзда сани его величества.

Вошелъ мрачный. Поцѣловалъ руку ея высочеству.

— Дай мнѣ чаю.
На блѣдную красавицу покосился, нахмурился. Сердце еще не отошло.

Сдержался нѣсколько времени. Потомъ замѣтилъ военнаго министра.

— Чернышевъ! Слышалъ?

— Такъ точно ваше и. в.

— Братъ всѣхъ распустилъ. Лоботрясъ, а не кадеты! Мало порять. Подтянуть надо. Розогъ развѣ не хватаетъ?

— Государь, здѣсь дамы. De grâce, Sire!

— Виноватъ. Нельзя же смотрѣть спокойно на всю эту яшнницу. Ростовцевъ!

Яковъ Ивановичъ вытянулся.

— Тебѣ поручено. Помни! И кто же... Онъ называлъ директора.

— Лучшій изъ моихъ, и вдругъ у него, ни у кого другого... Да еще моя рота, кашевары!

Рота его в-ва старшая въ корпусахъ.
— Бѣдный Борисъ Федоровичъ! — тихо замѣтила великая княгиня. Онъ въ такомъ отчаяніи. На него больно смотрѣть. Marie, du calme!

Николай какъ будто только сейчасъ замѣтилъ жену провинившагося генерала. Отвелъ глаза, да ужъ очень красивы были ея безмолвныя слезы на побѣдѣвшемъ лицѣ.

— Pardon, madame.

Всталъ, подошелъ, поцѣловалъ ей руку.

Она припала головкой къ его плечу.

— Оцарапаешь щеку!

Отодвинулъ кисти эполетъ... Погладилъ ее по головѣ.

— Я знаю вашъ мужъ преданъ мѣнѣ.. Громова туча проходила мимо.

— И я его цѣлю... Слышишь...

Вынулъ платокъ, вытеръ ей глаза.

— Онъ усерденъ. Но.. слишкомъ добръ.. Понимаете, слишкомъ добръ.

Опять зарокотала гроза въ его голосѣ.

— Съ этими шалопаями нужна палка.. Ну, ma chérie. Чего вы плачете?.. — Строгіе глаза уже смѣялись.

— Успокойтесь, вѣдь ничего не случилось, еще. Не съѣлъ вашего мужа.

Та припала къ его пальцамъ, роняя слезы на его обшлагъ.

— У, плакса! Ну, довольно! Слушать команду: улыбнись. Не могу видѣть женскихъ слезъ. Гдѣ твой мужъ?

И къ сестрѣ.

— Куда ты его спрятала? заступница. Позвать этого лодыря.

— Sire, de grâce.

— Да что я кусаюсь? Не бойся, цѣль будешь, твой любимчикъ.

Генералъ явился. Блѣлый какъ сѣна. Замеръ у дверей.

— Ну, — всталъ государь. — Что мнѣ съ тобой дѣлать? Иди — поцѣлуй жену. Да покрѣпче. Довольно. Сегодня вторникъ? Въ пятницу выведи мою роту въ Михайловскій манежъ. Буду ѣхать мимо. Самъ сдѣлаю

смотри. Чтобы поднянулись хорошенько. А го вензеля (1) съ нихъ сниму. — И погрози́лъ ему. Обернулся къ его женѣ.

— Дѣвчонка! а уже знаетъ силу женскихъ слезъ.

Засмѣялся и на всѣхъ кругомъ точно солнце брызнуло своими лучами.

— Ну какъ?

Обратилась ко мнѣ Марья Дмитриевна.

— Очень интересно! Эдакій подлый мѣръ.

— Что - о!

— Рабы. Жалкіе рабы. И эта ваша великая княгиня, которая прячетъ подъ столъ струсившаго генерала.

— Какъ подъ столъ?

— Не все ли равно?... Ну въ шкафъ, или въ темную комнату. Но очень хорошо и характерно. Я точно вижу этихъ людей!

— А какъ правка.

— Многое. Очень длинные періоды. Ихъ можно разбить. Выйдетъ гораздо лучше. Потому у васъ чуть не на каждой строкѣ, однѣ и тѣ же слова. Нашъ языкъ такъ богатъ, что можно на цѣлыхъ страницахъ не повторять ихъ. Если вы мнѣ ихъ оставите, я вамъ выправлю дома.

— А сейчасъ?

— Слушаюсь.

— Еще бы. А вы знаете, кто была эта смолянка, любимца Николая?

— Какъ же мнѣ знать?

— Я.

— Ого. Вотъ вы какая!

— Ну а теперь показывайте, какъ надо по вашему. Я уже ваша ученица. Что вы задумались?

Я вздрогнулъ. Не говорите же было ей, что во мнѣ впервые родилось ревнивое чувство. Много въ мое время рассказывали о похожденіяхъ императора именно въ Смольномъ институтѣ. Насколько въ этомъ было правды — кто знаетъ. Въ тогдашнихъ нашихъ настроеніяхъ всему вѣритось. Неужели онъ цѣловалъ эти губы и эти удивительные глаза... Меня всего потянуло. Я зажмурился.

— Что вы?

— Нѣтъ ничего. Такъ вспомнилъ.

Она засмѣялась.

— Хотите я вамъ скажу о чемъ вы подумали?..

— Никогда не догадаетесь.. это о томъ, что васъ вовсе не касается. Чего вы ко мнѣ пристали?

— Только этого не доставало, дерзкій вы мальчишка..

— Я здѣсь не мальчишка, а у васъ на службѣ.

Она пристально взглянула мнѣ въ глаза.

— Заплачьте.

— И не подумаю. Стоить!

— Вы знаете, иногда однимъ словомъ можно себя выдать. Ваше «стоять» именно такое слово. Я бы вамъ его не простила, если бы..

Голосъ ея вдругъ сталъ мягокъ и нѣженъ. И въ лицѣ отразилось, что-то ласковое.

— Я вамъ отвѣчу.. И вы поймете: нѣтъ, этого никогда не было.

Я радъ былъ бы въ эту минуту провалиться.

— Ну, давайте работать.

Я началъ правку.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

1) На кадетскихъ погонахъ первой роты полагались императорскіе вензеля.

Полвѣка на литературномъ посту

Къ 50-лѣтію литературной дѣятельности И. А. БУНИНА

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ 1887 г., одинъ семнадцатилѣтній русскій юноша, въ далекой деревнѣ «Озеркахъ» Орловской губерніи, получилъ номеръ журнала «Родина», въ которомъ были напечатаны его стихи. Это было его литературнымъ дебютомъ. «Утро, когда я шелъ съ этимъ номеромъ съ почты въ Озерки, — писалъ онъ впоследствии, — рвалъ по лѣсамъ росистые ландыши и по минутно перечитывалъ свое произведеніе, никогда не забуду». Въ то утро, впрочемъ, этотъ номеръ «Родины», пришедшій въ «Озерки» со стихами никому невѣдомаго юноши, былъ событіемъ лишь для него самого. Врядъ-ли было для кого-нибудь, кромѣ автора, событіемъ и появленіе нѣсколько позже его первой книжечки стиховъ. Но вотъ прошло полъ вѣка — и этотъ годъ — 1887-й — и этотъ номеръ «Родины», и эта маленькая книжка стиховъ стали знаменательными вѣхами въ исторіи русской литературы; ими началась огромная, плодотворная и блестящая литературная жизнь, ибо этотъ юноша былъ Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ.

Эти блѣдые строки — не юбилейная статья, не критико-биографическій очеркъ по поводу юбилея; — и то и другое, по отношенію къ Бунину потребовало бы гораздо больше мѣста. Сейчасъ, вспоминая знаменательную дату въ жизни нашего славнаго писателя, въ дни его «золотой свадьбы» съ русской литературой, хочется просто послать ему искренній и горячій поздравленіи и пожелать еще многихъ, многихъ лѣтъ плодотворной, творческой жизни. Пожеланіе это — къ чему скрывать? не безкорыстное: долгіе годы Бунинна — это новья, и новья радости для насъ, воспринимающихъ его прекрасные образы, читающихъ удивительныя строки, выходящія изъ подъ его пера. Совсѣмъ недавно, на дняхъ — черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ перваго стихотворенія въ «Родинѣ» — здѣсь, въ Парижѣ, былъ напечатанъ его послѣдній разсказъ «Кавказъ». Отъ силы, прелести, неизяснимаго очарованія этого настоящаго «бунинскаго» письма захватило духъ. Бунинъ.. Ни «прежній» Бунинъ, ни «новый» Бунинъ, — просто Бунинъ, такой, какимъ онъ былъ пятьдесятъ лѣтъ, какимъ онъ занялъ свое мѣсто на русскомъ парнасѣ. Это-ли не поводъ для самыхъ радостныхъ и нетерпѣливыхъ предвкушеній?

Среди нашихъ современниковъ нѣтъ болѣе «русскаго», болѣе прочно и глубоко уходящаго всѣми своими корнями въ русскую жизнь писателя, чѣмъ Бунинъ. И не только въ русскую жизнь вообще, но въ жизнь русскаго искусства, русской литературы.

Иванъ Алексѣевичъ БУНИНЪ

во время одного изъ его путешествій по экзотическимъ странамъ.

На этомъ поприщѣ имя Бунинныхъ встрѣчается очень давно. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. в. извѣстенъ былъ въ Россіи граверъ Леоній Бунинъ — въ тѣ времена граверы были одновременно и художниками. На знаменитомъ букварѣ, который монахъ Каріанъ составилъ для обученія грамотѣ царевича Алексѣя, сына Петра Великаго, имѣется надпись: «Син букварь счинилъ Иеромонахъ Каріанъ, а знаменилъ и рѣзалъ Леоній Бунинъ». Сохранились и первая русскія гравюры, которыя Леоній Бунинъ печаталъ на собственномъ желѣзномъ станкѣ. Свое искусство Леоній передалъ сыну Петру: отъ него сохранились гравированные на мѣди копии съ Альбрехта Дюрера.

Знаменита была Анна Бунинна, первая русская поэтесса, современница Державина и Карамзина, общепризнанная «россійская Сафо». «Ни одна женщина не писала у насъ такъ сильно, какъ Бунинна, — говорилъ о ней Карамзинъ. Ея портретъ былъ повѣшенъ въ Академіи Наукъ — это было подлинное признаніе ея славы.

Наконецъ, въ жилахъ Жуковскаго, также течетъ бунинская кровь: какъ извѣстно, онъ былъ сыномъ богатаго и знатнаго барина Афанасія Ивановича Бунина и плѣнной турчанки, привезенной имъ изъ похода.

Бунинъ не только нашъ самый знаменитый, самый прославленный, общепризнанный глава осрепенной русской литературы. Онъ является живымъ звеномъ съ ея прошлымъ, съ ея традиціями, всей ея сіяющей славой. Въ дни, когда такъ часто русскую литературу раскалываютъ на «совѣтскую» и «зарубежную», когда сама жизнь даетъ такъ много поводовъ дл этого проклятаго раскола, Бунинъ остается и останется просто русскимъ писателемъ и таковымъ и войдетъ въ исторію.

Одинъ изъ немногихъ, онъ хранитъ живую связь, въ образѣ личныхъ воспоминаній, со старой «классической» русской литературой и ея представителями. «Начались мои литературныя встрѣчи не болѣе, не менѣе, какъ съ Толстого, — писалъ И. А. Бунинъ въ своей «Записной Книжкѣ», — Я увидѣлъ его впервые въ январѣ 1894 года. И съ того времени знакомства мои съ писателями стали быстро увеличиваться. Черезъ годъ послѣ того я поѣхалъ въ Петербургъ и познакомился тамъ съ Михайловымъ, Кривенко, т. е. съ редакціей «Русскаго Богатства» уже печатавшаго тогда мои первые разсказы, побывалъ у поэта Жемчужникова и даже видѣлъ живаго Григоровича, а пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, сдѣлалъ еще много знакомствъ: съ Златовратскимъ, Эртелемъ, Чеховымъ, Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Емельяновымъ - Коханскимъ, Коневскимъ, Добролюбовымъ, Лохвицкой.. Обиліе знакомствъ оказалось богатѣйшее, смѣсь удивительная. Я увидѣлъ сразу цѣлыхъ четыре литературныхъ эпохи: съ одной стороны Григоровичъ, Жемчужниковъ, Толстой; съ другой — редакція «Русскаго Богатства», Златовратскій и ему подобные; съ третьей — Эртель, Чеховъ, а съ четвертой — тѣ самые служители «новой красоты», которые, по слову Мережковскаго уже «преступали всѣ законы, нарушали всѣ черты».

Четыре года тому назадъ И. А. Бунинъ получилъ Нобелевскую премію по литературѣ. Онъ былъ первый русскій писатель, получившій эту высокую награду и это было большимъ праздникомъ для русской литературы. Въ свое время много писалось и говорилось объ общерусскомъ значеніи этого событія. По тѣмъ или инымъ причинамъ въ Стокгольмѣ Россію «обходили»: даже Толстой не получилъ Нобелевской преміи, а она была учреждена за 15 лѣтъ до его смерти!

ВЕЧЕРОМЪ ЗА БДОИ ОДНУ ПИЛЮЛЮ. **GRAIN de VALS** СЛАБИТЕЛЬНОЕ, СПОСОБСТВУЮЩЕЕ ПОХУДѢНІЮ

Разгромъ Наркоминдѣла

Послѣ красной арміи
Сталинъ принялся за полпредства

Мы привыкли уже къ московскимъ «сенсациямъ» настолько, что каждое новое извѣстіе объ очередныхъ арестахъ и разстрѣлахъ не поражаетъ насъ по существу, а возбуждаетъ лишь любопытство: кто же слѣдѣтъ на этотъ разъ и за кѣмъ теперь чередъ. То, что въ сов. Россіи происходитъ какой то гигантскій, въ полномъ смыслѣ этого словъ: революціонный процессъ, теперь уже ни для кого не представляеть сомнѣній. Отъ старой большевизской гвардіи, столь кичившейся своимъ «железнымъ единствомъ», давно уже не осталось и слѣда. Только недавно «Советская Юстиція» — такъ сказать, «юридическій» советскій журналъ — проболталась, что и Бухаринъ, объ арестѣ котораго были только глухія упоминанія, теперь «ликвидированъ», какъ самый опасный «троцкистскій бандитъ», Бухаринъ, идеологъ и начетчикъ «ленинизма - марксизма», авторъ «Азбуки коммунизма», одинъ изъ столповъ советской власти и коминтерна. Давно уже «бандитомъ» именуется Рыковъ, бывший предсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ и комиссаръ внутреннихъ дѣлъ. Повидимому ликвидированъ и Ягода.

По существу происходящаго процесса можно высказывать самая разнообразная предположенія — всѣ они, однако, будутъ лишь предположеніями. Къ чему ведетъ страну Сталинъ? Дѣйствительно ли онъ ее ведетъ, или онъ самъ, въ этихъ новыхъ кровавыхъ потокахъ судорожно цѣпляется за власть подъ напоромъ какихъ то невѣдомыхъ еще намъ, надвигающихся на него силъ? Какъ долго будетъ продолжаться эта борьба и кѣмъ она кончится? Не такъ давно въ парижской печати появилась корреспонденція изъ Москвы, въ которой сообщалось, что къ открытію советскаго «парламента» диктатура Сталина будетъ официально утверждена и ему, въ качествѣ признаннаго «главы государства» будетъ поднесенъ титулъ «посадинка». Если даже это только «предположеніе» корреспондента, то во всякомъ случаѣ, предположеніе очень похожее на правду и вмѣстѣ съ тѣмъ характерное. Насколько характерное, что невольно напрашивается мысль, не было ли оно этому корреспонденту

къмъ либо изъ окруженія «великаго» подсказано. Такъ или иначе, происхождение этой «идеи» несомнѣнно русское — врядъ ли иностранный корреспондентъ имѣлъ достаточно точное представление о томъ, что такое «посадинка». Характерно и то, что у большевиковъ всегда было замѣтно стремленіе сыграть на национальных чувствахъ порабоженнаго ими народа: — достаточно вспомнить первые «стрѣлки» шлемы и шикши красной арміи. «Посадинка» — выборный глава вѣчевого Новгорода, титулъ, который впоследствии носилъ «некоронованный царь» (до своего воцаренія) Борисъ Годуновъ — это придумано во всякомъ случаѣ не плохо и очень похоже на правду.

✱

Будетъ или не будетъ провозглашенъ Сталинъ посадинкомъ, повторится ли съ неумолимой точностью исторія (консультъ?) — пока что онъ продолжаетъ свою безпощадную «чистку». Послѣ верхушки компартіи, генералитета, теперь пришла очередь комиссаріата иностранныхъ дѣлъ. По полученнымъ изъ Москвы свѣдѣніямъ, тамъ арестованы: полпредъ въ Берлинѣ Юреневъ, полпредъ въ Варшавѣ Давтянъ и его жена пѣвица Максимовъ, полпредъ въ Ковно Подольскій, полпредъ въ Гельсингфорсѣ Асмусъ, въ Ревелѣ — Устиновъ, въ Ригѣ — Бродовскій (этотъ послѣдній, повидимому, уже разстрѣлянъ) и въ Прагѣ — Аросевъ. Перечислять всѣхъ остальныхъ рангомъ ниже также попавшихъ въ гости къ Ежову на Лубянку, было бы невозможно. Замѣтимъ, попутно, что даже по официальнымъ свѣдѣніямъ, въ сов. Россіи, послѣ процесса Тухачевского, прошло 378 процессовъ офицеровъ, обвиняемыхъ въ государственной измѣнѣ. Повидимому, точно также въ сотняхъ надо исчислять попавшихъ подъ подозрѣніе членовъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ.

Биографія наиболее видныхъ изъ нынѣшнихъ «измѣнниковъ» — Юреневъ и Давтянъ ничѣмъ особенно не замѣчательна. Оба они принадлежали къ одному изъ первыхъ «привычекъ» въ большевизской партіи и принимали участіе въ октябрьскомъ переворотѣ.

Правда, у Юренева было въ биографіи пятно, которое ему теперь вѣроятно припоминать: въ октябрѣ 1917 года онъ былъ комиссаромъ Красной гвардіи. и 4-го ноября, когда группа большевиковъ во главѣ съ Зиновьевымъ и Каменевымъ опубликовала свое заявленіе о выходѣ изъ ЦК партіи, присоединился къ нему «принципиально». Выходъ этотъ былъ вызванъ уже тогда начавшейся склокой въ партіи желѣзнаго единства» и мы останавливаться на немъ не будемъ.

Въ качествѣ трагическаго курьеза упомянемъ о наивной попыткѣ Давтяна во время уйти отъ грозящей ему опасности — по нынѣшнимъ временамъ эта опала куда опаснѣе, чѣмъ во времена Грознаго. Незадолго до своего возвращенія въ Россію, Давтянъ заявилъ журналистамъ, что вотъ, дескать, обычно жена - артистка оставляетъ свою карьеру, чтобы слѣдовать за мужемъ, а онъ, советскій дипломатъ, поступаетъ какъ разъ наоборотъ: оставляетъ свою карьеру, чтобы отдаться исключительно управленію дѣлами своей жены - артистки. Повидимому это намѣреніе было продиктовано ему уже закрапившимся сознаниемъ, что его дипломатическая дѣятельность можетъ быть прервана и любыми путями. Опасенія, однако, были не достаточно еще большими, такъ какъ онъ все же отправился въ Москву по вызову Сталина и былъ тамъ немедленно арестованъ.

На Литвинова извѣстіе объ арестахъ «его» дипломатовъ произвело потрясающее впечатлѣніе. Оно застало его на брюссельской конференціи и вызвало его немедленный отъѣздъ въ Москву. Это дало даже поводъ слухамъ, что и самъ министръ иностранныхъ дѣлъ сов. Россіи попалъ въ немилость и чуть ли не арестованъ. Для слуховъ были нѣкоторые основанія въ томъ, что, какъ всѣмъ это было извѣстно, Юреневъ былъ не только ставленникомъ и правой рукой Литвинова, но и однимъ изъ самыхъ близкихъ ему людей. Пока что слухи объ опалѣ Литвинова «официально» опровергаются. Но имѣютъ ли какую - нибудь цѣну эти советскія «опроверженія».

Аресты Юренева, Давтяна и другихъ дипломатовъ теперь уже подтверждены. Извѣстія объ арестахъ другихъ пока «не опровергнуты». Среди этихъ именъ есть не мало очень и очень громкихъ въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ советскаго общества. Такъ, напримѣръ, арестованъ предсѣдатель совѣта народныхъ комиссаровъ Украины Бондаренко. Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этотъ самый Бондаренко призванъ былъ замѣнить на высокомъ посту главы украинскаго правительства другаго «крамоль-

ника», Любченко, который ушелъ отъ сталинской Немезиды,пустивъ себя своевременно пулю въ лобъ. Любченко былъ объявленъ гитлеровскимъ агентомъ, хотя именно ему принадлежить нашумѣвшая въ свое время фраза:

— Какъ свинья никогда не увидать неона, такъ и Гитлеру не видать никогда Украины!

Повидимому найти настоящаго «сталинца» на Украинѣ не такъ легко, и врядъ ли замѣститель Бондаренки будетъ чувствовать себя спокойно.

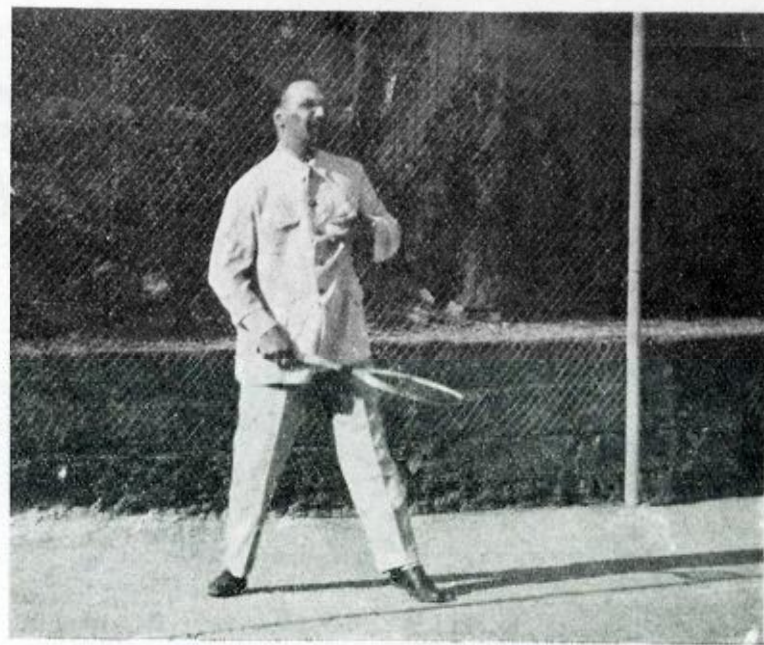
Подтверждается извѣстіе объ арестѣ Бубнова. Не такъ давно у насъ было отмѣчено, что это послѣдній изъ состава перваго Политбюро, еще оставшійся на свободѣ. Теперь пришелъ и его чередъ. Приказъ о его отчисленіи отъ должности народнаго комиссара просвѣщенія былъ, впрочемъ, составленъ въ такихъ выраженіяхъ, что его далѣйшая судьба не вызвала ни въ комъ сомнѣній. Онъ былъ уволенъ «за полной неспособностью поставить дѣло советскаго просвѣщенія» — объ этомъ вдругъ догадались послѣ десяти лѣтъ его дѣятельности на посту главы министерства.

По этой же линіи народнаго просвѣщенія, очевидно произведены и аресты такихъ столповъ советской литературы, какъ поэтъ Безыменскій и писатель Третьяковъ. Когда то Безыменскаго называли наслѣдникомъ и продолжателемъ дѣла Маяковскаго. Но отличался онъ, главнымъ образомъ, своими «вѣрно-подданныческими» стихами. Недавно пришлось слышать отзывъ, что въ случаѣ Безыменскаго нельзя подавить въ себя чувства злорадства: ужъ очень этотъ «поэтъ» работалъ передъ властью имущими, и те перешагивая его судьба является для него хорошей расплатой за то, что онъ такъ унижалъ званіе свободнаго пѣвца.

Арестованъ, наконецъ, Викторъ Кингъ, редакторъ «Журналь де Москву», пропаганднаго листка, на французскомъ языкѣ. Цѣль этой газетки была очевидна. Повидимому Кингъ тоже не «потрафилъ» Сталину.

✱

Нѣсколько особнякомъ стоятъ сообщенія, пока еще не подтвержденные, о судьбѣ Карахана и его жены балерины Семеновы. О томъ, кто такой Караханъ, говорить не приходится, достаточно напомнить его роль при заключеніи Брестъ - Литовскаго договора. До послѣдняго, сравнительно, времени онъ занималъ мѣсто замѣстителя народнаго комиссара иностранныхъ дѣлъ и игралъ крупную роль въ дальневосточныхъ сношеніяхъ. Слухи о немъ и о Семеновой вполне опредѣленны и исходятъ изъ вполне надежнаго источника. Согласно этимъ слухамъ и онъ и Семенова не только арестованы, но уже разстрѣляны. Характеръ источника, изъ котораго идетъ информация, таковъ, что сомнѣній о какихъ - то «неприятностяхъ» у Карахана со Сталинымъ мѣста быть не можетъ. Въ связи со всѣмъ происходящимъ и характеромъ сталинскихъ расправъ съ неугодными ему «врагами», ничего удивительнаго въ томъ, что прославленный старый большевикъ, одинъ изъ послѣднихъ представителей «ленинской гвардіи», послѣдовалъ за своими товарищами по несчастью Зиновьевымъ, Каменевымъ, Бухариннымъ и многими, многими другими. Что касается Семеновы, то еще

КАРАХАНЪ
въ расцвѣтѣ своей карьеры играетъ въ теннисъ.

два года тому назадъ она «представляла советскую хореографію въ Парижѣ». Пріѣзжалъ вмѣстѣ съ ней на ея гастроли и Караханъ. Вѣроятно многіе изъ советскихъ са-новниковъ, путешествовавшихъ въ свое время по Европамъ и неосмотрительно вернушіеся «домой» (какъ напримѣръ Бухаринъ, бывший въ Парижѣ за нѣсколько мѣсяцевъ до своего паденія и разглагольствовавшій здѣсь о советскихъ достиженіяхъ и советской «культуры») теперь горько жалуются, что не воспользовались «буржуазной» неприкосновенностью личности и не остались вдали отъ «соціалистической родины». Впрочемъ, возможно, что тамъ предусмотрительно были задержаны заложники.

Картины, скульптура, эстампы, книги, относящіеся къ этой эпохѣ предметы обстановки и военнаго обмундированія, взятые, главнымъ образомъ, изъ бібліотеки генерала Д. И. Ознобишина, коллекцій Б. Е. и А. А. Поповыхъ, музеевъ Конной гвардіи и лейбъ-казаковъ и другихъ собраний.

Въ организационный комитетъ выставки входятъ: предсѣдатель — виконтъ де Навай-Лабаго; почетный членъ — генералъ Нисель; члены — г-жа и г-нъ Панъ, П. Н. Апостоль, А. Н. Бенуа, генералъ А. А. Гулевичъ, И. С. Лукашъ, генералъ Т. В. Михайловъ, генералъ Д. И. Ознобишинъ, генералъ И. Н. Опринъ, Б. Е. и А. А. Поповы, князь Н. С. Трубецкой, Н. Н. Туровъ, Н. Н. Флиге, В. С. Хитрово и (секретарь) князь Н. А. Оболенскій.

На выставкѣ прочитанъ будетъ рядъ докладовъ, относящихся къ 1812 году.

Выставка Отечественной войны

По случаю 125-лѣтія Отечественной войны, 18-го декабря открывается, подъ предсѣдательствомъ французскаго института исторіи современной политической эмиграціи, въ его особнякѣ «Отель де Кольберъ» 13, rue de la Bourse, Парижъ (5), выставка, посвященная Отечественной войнѣ.

Картины, скульптура, эстампы, книги, относящіеся къ этой эпохѣ предметы обстановки и военнаго обмундированія, взятые, главнымъ образомъ, изъ бібліотеки генерала Д. И. Ознобишина, коллекцій Б. Е. и А. А. Поповыхъ, музеевъ Конной гвардіи и лейбъ-казаковъ и другихъ собраний.

На выставкѣ прочитанъ будетъ рядъ докладовъ, относящихся къ 1812 году.

«Былое»

Подъ ред. В. Л. Бурцева (въ изд. «Илл. Россія»). Содержание: В. Л. Бурцевъ «Моя поѣздка въ Россію въ 1914 г.», воспоминанія о Б. В. Савиновѣ и переписка съ нимъ. «Провокаторы среди большевиковъ». «Провокаторъ Малиновскій». «Тайный съѣздъ большевиковъ въ Краковѣ, съ участіемъ провокаторовъ». «Пораженческая кампанія большевизскихъ членовъ Государственной Думы» (во время войны) и т. д. 1-й и 2-й номера «Былого» (1933 г.) — по 15 фр., 1934 г. — 8 франковъ. В. Л. Бурцевъ, «Какъ Пушкинъ хотѣлъ издать «Евгенія Онѣгина» и какъ издалъ» и «8-я, 9-я и 10-я главы «Евгенія Онѣгина».

1937 г. (10 фр.).
Выписывать можно по адресу:
V. Bourtzeff, 13, rue des Feuillantines,
Paris (5), tél. Danton 77-76.

Полученіе Буниннымъ этой преміи было знаменательно и еще въ одномъ отношеніи. Очень хорошо охарактеризовалъ это тогда М. А. Алдановъ.

«Нынѣшнее его торжество, — писалъ онъ, — помню всего прочаго, урокъ для молодыхъ писателей. Хорошо помню день его перваго пріѣзда въ Парижъ... Помню нашъ разговоръ, очень онъ былъ грустенъ, Иванъ Алексѣвичъ былъ въ тяжеломъ настроеніи. Много горя выпало въ ту пору на его долю. Вдобавокъ, въ пути его обобрали воровъ, украли рѣшительно все: деньги, золото, вещи. Онъ былъ безъ гроша — безъ надеждъ, безъ плановъ. Конечно, имя Бунина пользовалось всероссійской извѣстностью. Но въ западной

Европѣ въ ту пору его еще мало знали. Русскихъ издательствъ почти не было».

И вотъ, продолжаетъ Алдановъ дальше: «Прошли годы. Онъ завоевалъ мировую славу. Говорятъ, у молодыхъ эмигрантскихъ писателей нѣтъ среды, быта, литературной атмосферы. Точно все это было у Бунина! Не существуетъ человѣка болѣе русскаго, болѣе связаннаго съ русской средой, съ русскимъ бытомъ, съ русскимъ литературнымъ воздухомъ. Это не помѣшало ему создать въ эмиграціи рядъ шедевровъ — и не всѣ они написаны «по памяти» — не только «по памяти» написана «Жизнь Арсеньева», хотя, конечно, историкъ литературы отмѣтитъ, что эта книга могла быть создана въ Грасѣ!..».

О Буниномъ можно написать чрезвычайно много, и, вѣроятно, не одна книга будетъ посвящена ему и его творчеству. Будемъ надеяться, что для этихъ будущихъ историковъ онъ дастъ еще много новаго матеріала.

Съ чувствомъ понятной гордости хочется закончить эти замѣтки указаніемъ, что работа И. А. за границей была въ извѣстной степени связана съ нашимъ журналомъ. У насъ были напечатаны многіе его рассказы, у насъ впервые печаталась его «Записная Книжка», наконецъ онъ самъ состоялъ членомъ редакціонной коллегіи нашего журнала. И мы считаемъ себя вправѣ, посылая привѣтствіе славному русскому писателю, прибавить: «и нашему дорогому сотруднику!» Е. Сергѣевъ.